

АНТИГОНА

1942, пер. В. Дмитриева, выдержки Дятловых от 25.06.2022, 1–8/21=62%

1. **Пролог:** Ну что ж, начнем. Эти персонажи сейчас сыграют перед вами трагедию об Антигоне.
2. Она думает, что умрет, хотя молода и очень хотела бы жить. Но ничего не поделаешь: ее зовут Антигоной, и ей придется сыграть свою роль до конца... С той минуты, как поднялся занавес, она чувствует, что с головокружительной быстротой удаляется от сестры Исмены, которая смеется и болтает с молодым человеком; от всех нас, спокойно глядящих на нее, — мы ведь не умрем сегодня вечером.
3. Крепкий седой мужчина, о чем-то размышляющий, рядом с которым стоит юный прислужник, — это Креон. Он царь. Лицо его в морщинах, он утомлен; ему выпала нелегкая роль — управлять людьми. Раньше, во времена Эдипа, когда он был всего лишь первым вельможей при дворе, он любил музыку, красивые переплеты, любил бродить по антикварным лавочкам в Фивах. Но Эдип и его сыновья умерли. Креон бросил свои книги и безделушки, засучил рукава и стал на их место. Иной раз вечером он чувствует усталость и спрашивает себя, не бесполезное ли это занятие — управлять людьми? Не лучше ли поручить эту грязную работу другим, тем, которые не привыкли много раздумывать... Но утром перед ним снова возникают вопросы, которые требуют срочного решения, и он встает, спокойный, как рабочий на пороге трудового дня.
4. Пожилая женщина, что стоит рядом с кормилицей, воспитавшей обеих сестер, и вяжет, — это Эвридика, жена Креона. Она будет вязать на протяжении всей трагедии, пока не наступит ее черед идти умирать. Она добрая, любящая, полна достоинства, но не может быть мужу подмогой. Креон одинок. Он одинок рядом со своим юным прислужником, который слишком мал и тоже ничем не может ему помочь.
5. Наконец, трое краснорожих мужчин, играющих в карты, сдвинув шапки на затылок, — это стражники. Они, в сущности, неплохие парни; у каждого из них, как у всех людей, есть жена, дети, мелкие заботы, но уже будьте спокойны, они в любую минуту схватят обвиняемых. От них пахнет чесноком, кожей, вином, и они лишены всякого воображения. Это слуги правосудия, их ни в чем не упрекнешь и они всегда довольны собой.
6. Теперь город спасен, враждовавшие братья погибли, и Креон, новый царь, повелел старшего брата, Этеокла, похоронить торжественно, с почестями, а тело Полиника, этого бунтовщика, бродяги, бездельника, не оплаканное и не похороненное, оставить на растерзание воронам и шакалам. Всякий, кто осмелится предать его земле, будет безжалостно осужден на смерть.
7. Мертвенно-бледный рассвет проникает в спящий дом.
8. **Антигона:** Сад еще спал. Я застала его врасплох, няня. Он и не подозревал, что я люблюсь им. Как красив сад, когда он еще не думает о людях!
9. **Антигона:** Поля были мокрые от росы и чего-то ожидали. Все кругом чего-то ожидало. Я шла одна по дороге, звук моих шагов гулко отдавался в тишине, и мне было неловко — ведь я прекрасно знала, что ждут не меня. Тогда я сняла сандалии и осторожно проскользнула в поле, так что оно меня не заметило.
10. **Кормилица:** Ты что, смеешься надо мной? Постыдись, я уже старуха. Ты всегда была моей любимицей, хотя характер у тебя отвратительный. Твоя сестра была послушнее, но мне казалось, что ты меня любишь больше.
11. **Антигона:** Нянечка, пожалуйста, перестань плакать! (Обнимает ее.) Ну полно, мое доброе румяное яблочко! Помнишь, как я натирала тебе щеки, чтобы они блестели? Старенькое, сморщенное яблочко!
12. Побереги свои слезки, побереги. Они тебе, может быть, еще пригодятся, нянечка! Когда ты плачешь, я снова чувствую себя ребенком... А сегодня я не должна чувствовать себя ребенком.
13. **Антигона:** Оставь нас, няня. Нам совсем не холодно, ведь уже лето. Свари-ка лучше кофе. (Устало опускается на скамью.) Я бы с удовольствием выпила чашечку кофе. Пожалуйста, нянечка! Мне станет лучше, когда я выпью кофе.

14. **Исмена:** (внезапно). Почему ты говоришь о пустяках?
15. **Исмена:** Он велит нас казнить. **Антигона:** Конечно. Каждому свое. Он должен осудить нас на смерть, а мы — похоронить брата. Так уж все распределено. Что ж тут можно поделаться? **Исмена:** Я не хочу умирать. **Антигона:** (тихо). И я тоже не хотела бы умирать. **Исмена:** Слушай, я думала всю ночь. Я старше тебя и всегда поступаю разумнее. А вот ты вечно делаешь, что тебе в голову взбредет, даже если это страшная глупость. Я более уравновешенная. Всегда все обдумываю. **Антигона:** Иногда не надо слишком много думать. **Исмена:** Надо, Антигона. Разумеется, все это ужасно, мне тоже жалко брата, но я отчасти понимаю и дядю. **Антигона:** Я не хочу понимать отчасти! **Исмена:** Он царь, он обязан подавать пример. **Антигона:** Но я не царь, я не обязана подавать пример... Эта маленькая Антигона, упрямая, скверная, глупая, делает все, что взбредет ей в голову, и тогда ее ставят в угол или запирают в чулан. И поделом! Надо было слушаться! **Исмена:** Ну вот!.. Уже нахмурила брови, уставилась в одну точку... Уже готова ринуться очертя голову, никого не слушая. Выслушай хотя бы меня! Я чаще, чем ты, бываю права. **Антигона:** А я не хочу быть правой.
16. **Антигона:** <...> Понимать. Всегда понимать! Я не хочу понимать. Я все пойму, когда состарюсь... (Тихо.) Если я когда-нибудь состарюсь... Но не теперь.
17. А страдания? Ведь нам придется страдать, испытывать боль, и она будет все сильнее и сильнее и станет совсем нестерпимой; нам покажется, что она дошла до предела, но она будет все усиливаться... Как пронзительный крик, который становится все резче... О, я не могу, не могу! **Антигона:** Как ты хорошо все обдумала! **Исмена:** Я думала всю ночь. А ты? **Антигона:** Я тоже, можешь не сомневаться. **Исмена:** Ты знаешь, я не храброго десятка. **Антигона:** (тихо). Я тоже. Что ж из того?
18. **Антигона:** (выпрямившись, громко). Нет, оставь меня! Нечего ко мне ласкаться! Теперь не время обнявшись хныкать. Ты говоришь, что все обдумала? По-твоему, можно отступить только потому, что весь город ополчится против тебя, что тебя ждут страдания и ты боишься смерти? **Исмена:** (опускает голову). Да. **Антигона:** Ну что ж, воспользуйся этим предлогом. **Исмена:** (бросаясь к ней). Антигона, умоляю тебя! Пусть мужчины верят в высокие идеалы и умирают за них. Но ты же девушка! **Антигона:** (сквозь зубы). Да, девушка. Разве мало я плакала из-за того, что родилась девчонкой? **Исмена:** Счастье так близко! Тебе нужно только протянуть руку, и оно твое. Ты помолвлена, ты молода, ты красива... **Антигона:** (глухо). Нет, я не красива.
19. **Антигона:** Пожалуйста, нянечка! Ты же любишь Милку, мою добрую головастую Милку. И, в конце концов, ты ведь обожаешь уборку. Ты была бы просто несчастной, не будь грязи... Ну прошу тебя, не брани мою Милку!
20. **Антигона:** (отворачивается; потом твердо). А потом, если она будет слишком тосковать, все время ждать меня, смотреть на дверь, как будто я только что вышла, может быть, лучше будет убить ее, нянечка. Только чтобы ей не было больно.
21. **Гемон:** И немало размолвок. Счастья без размолвок не бывает.
22. **Антигона:** Но ведь я худа и смугла, а Исмена — точно золотисто-розовый плод.
23. **Антигона:** Да. А ты стал смеяться надо мной, мы повздорили, я не смогла побороть свой скверный характер и убежала... (Тише.) Но я приходила для того, чтобы быть твоей, чтобы уже стать твоей женой.
24. **Исмена:** Я не могу спать. Я боялась, что ты все-таки убежишь и попытаешься похоронить его, хотя уже совсем светло. Антигона, сестренка моя, вот мы все здесь, мы с тобой: и Гемон, и няня, и я, и твоя собака Милка... Мы любим тебя, мы живые, и ты всем нам нужна. А Полиник мертв, и он тебя не любил. Он всегда был чужой нам, он был плохим братом. Забудь о нем, Антигона, как он забыл о нас! Пусть тело его останется без погребения, пусть его зловещая тень будет вечно скитаться, раз так повелел Креон. Не берись за то, что выше твоих сил. Ты никогда ничего не боишься, но ведь ты такая маленькая, Антигона. Остайся с нами, не ходи туда ночью, умоляю тебя!
25. **Хор:** Ну вот, теперь пружина натянута до отказа. Дальше события будут разворачиваться сами собой. Этим и удобна трагедия — нужен лишь небольшой толчок, чтобы пустить в ход весь

механизм, достаточно любого пустяка — мимолетного взгляда на проходящую по улице девушку, вдруг взмахнувшую руками, или честолюбивого желания, возникшего в одно прекрасное утро, в момент пробуждения, желания, похожего на внезапно проснувшийся аппетит, или неосторожного вопроса, который однажды вечером задаешь самому себе... И все! А потом остается одно: предоставить событиям идти своим чередом. Беспokoиться не о чем. Все пойдет само собой. Механизм сработан на совесть, хорошо смазан. Смерть, предательство, отчаяние уже здесь, наготове, и взрывы, и грозы, и безмолвие, все виды безмолвия: безмолвие конца, когда рука палача уже занесена; безмолвие начала, когда обнаженные любовники впервые, не смея пошевелиться, лежат в темной комнате; безмолвие, которое обрывает вопли толпы, окружающей победителя, как в кино, когда звук внезапно пропадает, — открытые рты беззвучно шевелятся, все крики — одна видимость, а победитель, уже побежденный, одинок среди этого безмолвия... Трагедия — дело чистое, верное, она успокаивает... В драме — с предателями, с закоренелыми злодеями, с преследуемой невинностью, с мстителями, ньюфаундлендскими собаками, с проблесками надежды — умирать ужасно, смерть похожа на несчастный случай. Возможно, еще удалось бы спастись, благородный юноша мог бы поспеть с жандармами вовремя. В трагедии чувствуешь себя спокойно. Прежде всего, тут все свои. В сущности, ведь никто не виноват! Не важно, что один убивает, а другой убит. Кому что выпадет. Трагедия успокаивает прежде всего потому, что знаешь: нет никакой надежды, даже самой паршивенькой; ты пойман, пойман, как крыса в ловушку, небо обрушивается на тебя, и остается только кричать — не стонать, не сетовать, а вопить во всю глотку то, что хотел сказать, что прежде не было сказано и о чем, может быть, еще даже не знаешь. А зачем? Чтобы сказать об этом самому себе, узнать об этом самому. В драме борются, потому что есть надежда выпутаться из беды. Это неблагородно, чересчур утилитарно. В трагедии борьба ведется бескорыстно. Это для царей. Да и, в конце-то концов, рассчитывать ведь не на что!

26. **Стражник:** <...> Если слушать всех вас, да еще стараться понять, так и выйдет, что все вы ни в чем не виноваты.
27. **Стражник:** Дочь Эдипа, как же! Шлюхи, которых задерживает ночной патруль, тоже выдают себя за подружек префекта полиции!
28. **Стражник:** Лучше повеселимся без наших баб... С ними вечно всякие истории, да и малыши будут проситься на горшок. Ну, что скажешь, Будусс? Кто бы мог подумать еще совсем недавно, что нам веселье на ум пойдет?
29. Среди бела-то дня! Неужели она воображала, что ее не заметят? А когда увидела, что я бегу к ней, думаете, она остановилась, попыталась удрать? Как бы не так! Продолжала рыть изо всех сил, прямо как бешеная, словно и не видела, что я подхожу. Когда я ее схватил, она, чертовка, отбивалась, все рвалась к трупу, требовала, чтобы я ее отпустил, потому что тело, мол, еще не покрыто землей...
30. **Креон:** Почему ты пыталась похоронить брата? **Антигона:** Это мой долг. **Креон:** Но ведь я запретил! **Антигона:** (тихо). И все-таки я должна была это сделать. Тени непогребенных вечно блуждают, нигде не находят покоя. Если бы мой брат был жив и вернулся усталый после долгой охоты, я бы разула его, дала бы ему поесть, приготовила постель... Последняя охота Полиника окончена. Он возвращается домой, его ждут отец, мать и Этеокл. Он имеет право отдохнуть.
31. **Креон:** Закон прежде всего существует для тебя, Антигона, прежде всего для царских дочерей!
32. **Креон:** (смотрит на нее и вдруг шепчет). Гордыня Эдипа! В тебе говорит гордыня Эдипа! Теперь, когда я увидел ее в глубине твоих глаз, я тебе верю. Да, ты наверняка думала, что я тебя казню. И это казалось тебе естественной развязкой, гордячка! И отцу твоему человеческих горестей было слишком мало, я уж не говорю о радостях — не о них сейчас речь. Простые человеческие чувства в вашей семье не приняты, они вас стесняют. Вам обязательно нужно вступать в единоборство с судьбой и смертью. Убить своего отца, спать со своей матерью, потом узнать обо всем этом, жадно впитывая каждое слово. Не правда ли, какой чудесный нектар — слова, осуждающие вас? И как упиваешься ими, когда тебя зовут Эдип или Антигона... Потом — чего проще — выкалывают себе глаза и бродят с детьми по дорогам,

собирая милостыню... Ну нет! Эти времена для Фив миновали. Ныне Фивы имеют право на царя, чье имя не прославится в истории. Меня, слава богу, зовут просто Креон. Я обеими ногами стою на земле, засунув руки в карманы и раз уж я царь, то — поскольку честолюбия у меня меньше, чем у твоего отца, — решил посвятить себя тому, чтобы на той земле установился, если возможно, хоть какой-то порядок. Это тебе не авантюра, а повседневная работа, не всегда приятная, как, впрочем, всякая другая работа. Но раз уж я здесь для того, чтобы делать эту работу, я и буду ее делать... И если завтра вестник, с ног до головы забрызганный грязью, спустится с гор, чтобы сообщить мне о сомнительности моего происхождения, я просто-напросто предложу ему вернуться туда, откуда он пришел, и даже не подумаю из-за такой ерунды являться на очную ставку с твоей покойной тетушкой, чтобы проверить кое-какие даты. Царям не до личных трагедий, моя девочка! (Подходит к Антигоне, берет ее за руку.) Так вот, слушай меня внимательно. Пускай ты Антигона, пускай ты дочь Эдипа, но тебе всего двадцать лет, и случись это немного раньше, все уладилось бы очень просто: посадили бы тебя на хлеб и воду и отвесили пару оплеух. (Смотрит на нее улыбаясь) Казнить тебя? Да ты погляди на себя, воробышек! Слишком уж ты худа. Лучше растолстей немножко, чтобы родить Гемону здорового мальчугана. Уверю тебя, Фивам он нужнее, чем твоя смерть. Ты сейчас же вернешься к себе, сделаешь так, как я тебе велел, и будешь молчать. О том, чтобы молчали остальные, позабочусь я сам. Ну-ну, нечего испепелять меня взглядом! Ты, конечно, считаешь меня человеком грубым, думаешь, что я не способен на высокие чувства. Но я все-таки очень люблю тебя, несмотря на твой скверный характер. Не забудь, что первую куклу подарил тебе именно я и было это не так уж давно.

33. **Антигона:** Да, ничего другого, я знаю. Но это по крайней мере в моих силах. А делать нужно то, что в твоих силах. **Креон:** Так ты в самом деле веришь в погребальный обряд? Веришь, что тень твоего брата будет осуждена на вечные скитания, если не бросить на труп горсть земли, пробормотав при этом обычную молитву жрецов? Ты, конечно, слышала, как фиванские жрецы произносят свои молитвы? Видела, как эти забитые, усталые служители, глотая слова, торопятся кончить церемонию, как они на скорую руку отпевают мертвеца, чтобы до обеда успеть похоронить еще одного? **Антигона:** Да, видела. **Креон:** И неужели тебе никогда не приходило в голову, что если бы в гробу лежал человек, которого ты действительно любишь, ты взвыла бы от всего этого? Ты велела бы им замолчать, выгнала бы их. **Антигона:** Да, я думала об этом. **Креон:** И все же сейчас ты рискуешь жизнью из-за того, что я запретил совершать над телом твоего брата эту смехотворную церемонию, запретил бормотать над его останками бессмысленные слова, разыгрывать шутовскую пантомиму, от которой тебе первой стало бы и больно и стыдно... Ведь это же нелепо! **Антигона:** Да, нелепо. **Креон:** Тогда для кого же ты это сделала? Для других, для тех, кто в это верит? Чтобы восстановить их против меня? **Антигона:** Нет. **Креон:** Ни для них, ни для брата? Для кого же тогда? **Антигона:** Ни для кого. Для себя.
34. **Креон:** (приближаясь к ней). Я хочу спасти тебя, Антигона. **Антигона:** Вы царь, вы всемогущи, но это не в ваших силах. **Креон:** Ты думаешь? **Антигона:** Вы царь, но вы не можете ни спасти меня, ни принудить. **Креон:** Гордячка! Маленький Эдип!
35. **Креон:** (стискивает ей руку). Послушай-ка! У меня скверная роль, это ясно, а у тебя выигрышная. И ты это понимаешь. Но все же не слишком злоупотребляй этим, дрянная девчонка... Если бы я был обычным грубым тираном, у тебя давно бы вырвали язык, тело твое истерзали бы раскаленными клещами или бросили в каменный мешок. Но ты читаешь в моих глазах нерешительность, видишь, что я позволяю тебе говорить, вместо того чтобы позвать солдат; вот ты и издеваешься надо мной, насакиваешь на меня. Чего ты добиваешься, маленькая фурия?
36. **Креон:** <...> Ты думаешь, мне, как и тебе, не противна эта падаля, гниющая на солнце? По вечерам, когда ветер дует с моря, вонь уже доносится во дворец. Меня тошнит. Но я даже не велю закрыть окна. Это гнусно, это глупо, чудовищно глупо — тебе-то я могу признаться! — но необходимо, чтобы Фивы надышались этим воздухом. Ты же понимаешь, я давно бы приказал похоронить твоего брата, если бы заботился только о гигиене! Но для того, чтобы

- скоты, которыми я управляю, все уразумели, трупный запах по меньшей мере месяц будет отравлять городской воздух.
37. **Антигона:** Вы отвратительны! **Креон:** Да, девочка, этого требует мое ремесло. Можно спорить, следует им заниматься или нет. Но если уж взялся за него — нужно действовать именно так. **Антигона:** Зачем же вы за него взялись? **Креон:** Однажды утром я проснулся фиванским царем. Хотя, видит бог, меня меньше всего на свете привлекала власть... **Антигона:** Так надо было отказаться. **Креон:** Я мог это сделать. Но я вдруг почувствовал себя рабочим, увиливающим от работы. Я решил, что это нечестно. И сказал: «Да!»
38. **Антигона:** Ну что ж, тем хуже для вас. Но я ведь не сказала «да»! Какое мне дело до вашей политики, до необходимости, до всех этих жалких историй? Я-то еще могу сказать «нет» всему, что мне не по душе. Я сама себе судья. А вы, со своей короной, со своей стражей, во всем своем блеске, вы только одно можете — казнить меня, потому что ответили «да»! **Креон:** Послушай меня! **Антигона:** Я могу вас не слушать, если захочу. Вы ответили: «да». Мне больше нечего у вас узнавать. А вот вам — другое дело. Вы жадно внимаете моим словам. И если не зовете стражников, то лишь потому, что вам хочется выслушать до конца. **Креон:** Ты меня забавляешь! **Антигона:** Нет. Я внушаю вам страх. Вот почему вы пытаетесь меня спасти. Ведь вам гораздо удобнее оставить во дворце маленькую Антигону, живую и безмолвную. Вы слишком чувствительны, чтобы быть настоящим тираном, вот и все. Но тем не менее вам придется сейчас меня казнить, вы это знаете, и поэтому вам страшно. Какое отвратительное зрелище — мужчина, которому страшно!
39. **Антигона:** А вот меня никто не вынудит сделать то, чего я не хочу!
40. **Креон:** <...> Я заплатил уже достаточно. **Антигона:** Нет. Вы ответили «да». И теперь вам все время придется платить!
41. **Креон:** (вне себя трясет ее). О господи! Попытайся и ты тоже хоть на минутку понять меня, дурочка! Я же старался изо всех сил понять тебя. Ведь нужно, чтобы кто-то ответил «да». Ведь нужно, чтобы кто-то стоял у кормила! Судно дало течь по всем швам. Оно до отказа нагружено преступлениями, глупостью, нуждой... Корабль потерял управление. <...> Скажи на милость, где уж тут помнить о всяких тонкостях, где уж тут обдумывать, сказать «да» или «нет», размышлять, не придется ли потом расплачиваться слишком дорогой ценой и сможешь ли ты после этого остаться человеком? Куда там! Хватаешь любую доску, чтобы поскорее заделать пробоину, в которую так и хлещет вода...
42. **Антигона:** (качает головой). Я не хочу понимать. Это ваше дело. Я здесь не для того, чтобы понимать, а для другого. Я здесь для того, чтобы ответить вам «нет» — и умереть. **Креон:** Ответить «нет» легко! **Антигона:** Не всегда. **Креон:** Чтобы ответить «да», нужно засучить рукава и работать, обливаясь потом, черпать жизнь полными пригоршнями, погружаться в нее целиком. Ответить «нет» легко, даже если ты должен умереть. <...> Можешь ли ты представить себе мир, где бы деревья тоже отвечали «нет» сокам земли, где животные отвечали бы «нет» своему любовному или охотничьему инстинкту? Животные, те по крайней мере просты, бесхитростны и упорны. **Антигона:** Так вот, оказывается, о чем мечтает царь, о животных! Как просто было бы управлять ими.
43. **Креон:** <...> У меня скверная роль, но я должен ее сыграть, и я прикажу тебя казнить. Только сначала я хочу, чтобы и ты тоже выучила назубок свою роль.
44. **Креон:** <...> Я велел поднять одно тело, меньше обезображенное, с тем чтобы устроить торжественные похороны, а другое приказал оставить там, где оно валялось. Я даже не знаю, кого из них мы похоронили. И, клянусь, мне это совершенно безразлично!
45. **Антигона:** (тихо). Для чего вы рассказали мне это? **Креон:** (встает, надевает верхнюю одежду). Разве было бы лучше, чтобы ты умерла из-за этой жалкой истории? **Антигона:** Может быть, лучше. Раньше я верила.
46. **Креон:** <...> Не слушай их! Не слушай и меня, когда я буду произносить очередную речь над гробницей Этеокла. Все это неправда. Правда только то, о чем не говорят...
47. **Креон:** <...> Ты будешь еще больше презирать меня, но когда-нибудь — это ничтожное утешение в старости — ты поймешь, что жизнь, вероятно, все-таки счастье. **Антигона:** (шепчет, растерянно озираясь). Счастье? **Креон:** (ему внезапно стало немного стыдно). Жалкое

слово, не так ли? **Антигона:** (тихо). Каким же будет мое счастье? Какой будет та счастливая женщина, в которую превратится маленькая Антигона? Какие жалкие поступки придется ей совершать изо дня в день, чтобы зубами вырвать свой крохотный клочок счастья? Скажите, кому ей нужно будет лгать, кому улыбаться, кому продавать себя? Кому она спокойно даст умереть, отводя взгляд в сторону? **Креон:** (пожимая плечами). Ты сошла с ума, замолчи! **Антигона:** Нет, не замолчу! Я хочу узнать, что я, именно я, должна совершить, чтобы быть счастливой? И узнать немедленно, раз нужно немедленно сделать выбор. Вы говорите, что жизнь прекрасна. Вот я и хочу узнать, как я должна поступать, чтобы жить. **Креон:** Ты любишь Гемона? **Антигона:** Да, я люблю Гемона. Я люблю Гемона, молодого и сурового. Гемона, такого же требовательного и верного, как я. Но если ваша жизнь, это ваше счастье должно восторжествовать и над ним, если Гемон не будет больше бледнеть, когда бледнею я; не будет думать, что я умерла, когда я опаздываю на пять минут; не будет чувствовать себя совсем одиноким и не возненавидит меня, когда не поймет, почему я смеюсь; если рядом со мной он должен стать господином Гемоном; если и он тоже должен научиться говорить «да», — тогда я не люблю его больше! **Креон:** Ты сама не знаешь, что говоришь. Замолчи! **Антигона:** Нет, я знаю, что говорю, а вот вы меня уже не понимаете. Я сейчас говорю с вами издалека — из царства, в которое вам с вашими морщинами, с вашей мудростью и с вашим брюхом уже не пройти. (Смеется.) Я смеюсь, Креон, потому что вдруг представила себе, каким ты был в пятнадцать лет. Наверно, таким же бессильным, но уверенным в своем могуществе. Жизнь лишь добавила вот эти морщинки на твоём лице да слой жира на теле. **Креон:** (трясет ее). Замолчишь ли ты наконец? **Антигона:** Почему ты хочешь заставить меня молчать? Потому что знаешь, что я права? Думаешь, я не прочла это в твоих глазах? Ты понимаешь, что я права, но никогда не признаешься в этом, потому что сейчас готов защищать свое счастье, как собака кость. **Креон:** И свое и твое, дура! **Антигона:** Как вы все мне противны с вашим счастьем! С вашей жизнью, которую надо любить, какой бы она ни была. Вы, словно собаки, облизываете все, что найдете. Вот оно, жалкое, будничное счастье, надо только не быть слишком требовательным! А я хочу всего, и сразу, и пусть мое счастье будет полным, иначе мне не надо его совсем! Я вот не хочу быть скромной и довольствоваться подачкой, брошенной мне в награду за послушание. Я хочу сегодня же быть уверенной во всем, хочу, чтобы мое счастье было таким же прекрасным, каким я видела его в своих детских мечтах, — или пусть я умру. **Креон:** Ну-ну, продолжай! Ты говоришь, как твой отец! **Антигона:** Да, как мой отец! Мы из тех, кто идет до конца. До самого конца, когда не остается и тени надежды, пусть даже подавляемой надежды. Мы из тех, кто перешагивает через вашу надежду, через вашу драгоценную надежду, через вашу гнусную надежду, когда она становится у нас на пути! **Креон:** Замолчи! Если бы ты видела, какой ты была безобразной, когда выкрикивала эти слова! **Антигона:** Да, я безобразна! Это и в самом деле отвратительно — выкрики, резкие движения, словно нищенки дерутся... Отец стал прекрасен лишь потом, когда уже не было никаких сомнений, что он убил своего отца, спал со своей матерью, и ничто больше, ничто на свете не могло его спасти. Тогда он сразу успокоился, лицо его словно озарилось улыбкой, и он стал прекрасен. Все было кончено. Ему оставалось только закрыть глаза, чтобы не видеть вас больше! Не видеть ваших физиономий, этих жалких лиц претендентов на счастье! Вот вы действительно безобразны, даже самые красивые из вас. Что-то безобразное притаилось в уголках ваших глаз и ваших губ: ты сейчас верно сказал, Креон, это кухня. У всех у вас лица кухарей! **Креон:** (выворачивая ей руки). Я приказываю тебе замолчать, слышишь? **Антигона:** Ты приказываешь мне, кухарь? По-твоему, ты можешь мне что-то приказывать? **Креон:** В прихожей полно народу. Ты хочешь погубить себя? Тебя услышат! **Антигона:** Ну что ж, открой двери! Конечно, они должны меня услышать! **Креон:** (пытаясь зажать ей рот). О боги, замолчишь ли ты наконец? **Антигона:** (отбиваясь). Ну же, кухарь, быстрее! Зови своих стражников!

48. **Хор:** Ты безумец, Креон! Что ты наделал! **Креон:** (глядя куда-то вдаль прямо перед собой). Ей суждено было умереть. **Хор:** Не дай умереть Антигоне, Креон! Для всех нас это будет кровоточащей раной на долгие века. **Креон:** Она сама хотела умереть! Мы все были бессильны заставить ее жить. Теперь я это понимаю. Антигона была создана, чтобы умереть. Быть может,

- она сама не сознавала этого, но Полиник для нее был только предлогом. Когда ей пришлось отказаться от этого предлога, она тотчас же ухватилась за другое. Самым главным для нее было сказать «нет» и умереть. **Хор:** Она еще ребенок, Креон. **Креон:** Но что я могу для нее сделать? Приговорить ее к жизни?
49. **Креон:** (сжимая его еще крепче). Я испробовал все, чтобы спасти ее, Гемон. Я испробовал все, клянусь тебе! Она не любит тебя. Она могла бы жить. Но она выбрала безумие и смерть.
50. **Гемон:** Что значит толпа, отец? Ведь ты властелин. **Креон:** Я властелин, пока не издал закон. А потом — нет.
51. **Гемон:** Неужели ты думаешь, что я смогу жить без нее? Неужели ты думаешь, что я примирюсь с этой вашей жизнью? Жить без нее все дни с утра до вечера? Жить без нее среди вашей суеты, болтовни, ничтожества?
52. **Гемон:** И все заботы, вся гордость, все книги о подвигах героев, — все нужно было только для того, чтобы я пришел вот к этому? Стал мужчиной, как ты говоришь, и был бесконечно счастлив, что живу? **Креон:** Да, Гемон.
53. **Гемон:** <...> Умоляю тебя, отец, сделай так, чтобы я мог восхищаться тобой, восхищаться тобой, как прежде! Я слишком одинок, и мир слишком пустынен для меня, если я не могу больше восхищаться тобой. **Креон:** (высвобождаясь из его объятий). Все мы одиноки, Гемон. Мир пустынен. И ты слишком долго восхищался мной.
54. **Креон:** (глухо). Да, мы все смертельно ранены.
55. **Антигона:** Какую смерть они выбрали для меня? **Стражник:** Не знаю. Мне кажется, как будто говорили, что осквернять город вашей кровью нельзя, и вас замуруют. **Антигона:** Живо? **Стражник:** Да, живою.
56. **Антигона:** Креон был прав. Как это ужасно! Сейчас, рядом с этим человеком, я не знаю уже, за что я умираю. Мне страшно...
57. **Антигона:** О Гемон, а наш маленький мальчик. Только теперь я понимаю, как это было просто — жить...
58. **Стражник:** Значит, конец вычеркнуть и вместо него написать: «Прости!» **Антигона:** Да... Прости, любимый! Без маленькой Антигоны вам всем было бы куда спокойнее. Я люблю тебя... **Стражник:** «Без маленькой Антигоны вам всем было бы куда спокойнее. Я люблю тебя». Это все? **Антигона:** Да, все. **Стражник:** Забавное письмецо! **Антигона:** Да, забавное.
59. **Вестник:** <...> А там в глубине на своем разноцветном поясе повисла Антигона. Красные, синие, зеленые нитки, словно детское ожерелье у нее на шее. А Гемон стоит на коленях, обнимает ее и рыдает, уткнувшись лицом в складки ее одежды. Сдвигают еще одну глыбу, и Креон наконец может спуститься в могилу. Во мраке, в глубине могилы видны его седые волосы. Он пытается поднять Гемона, умоляет его. Гемон не слышит. Потом вдруг вскакивает и, черноглазый, удивительно похожий на мальчугана, каким он был когда-то, целую минуту молча смотрит на отца, внезапно плюет ему в лицо и выхватывает свой меч. Креон отшатнулся от сына. Тогда детский взгляд Гемона становится тяжелым от презрения, и Креон не может уклониться от него, как от клинка. Гемон смотрит на этого дрожащего старика в другом конце пещеры, потом молча вонзает меч себе в грудь и падает на Антигону. Они лежат в огромной луже крови, и он обнимает ее.
60. **Хор:** <...> Эвридика, царица, твоя супруга... **Креон:** Добрая женщина, без конца говорит о своем саде, о своем варенье, о своем вязанье, об этих фуфайках для бедняков. Прямо удивительно, сколько беднякам требуется фуфаек! Можно подумать, что они ни в чем другом не нуждаются...
61. **Креон:** И она тоже... Они все спят. Ну что ж. Тяжелый выдался день. (Пауза. Глухо.) Как хорошо, должно быть, уснуть.
62. **Прислужник:** Что, господин? **Креон:** Вот что я тебе скажу. Они этого не понимают. Когда перед тобой работа, нельзя сидеть сложа руки. Они говорят, что это грязная работа, но если мы не сделаем ее, кто ж ее сделает? **Прислужник:** Не знаю, господин. **Креон:** Конечно, не знаешь. Тебе повезло! Никогда ничего не знать — вот что было бы лучше всего.
63. **Креон:** Маленький безумец! Лучше всего было бы никогда не становиться взрослым.

64. **Хор:** (подходя к авансцене). Вот и все. Это правда, без маленькой Антигоны им всем было бы так спокойно. Но теперь все кончено. И они все-таки спокойны. Те, кто должны были умереть, умерли. И те, кто верили во что-то, и те, кто верили совсем в другое, и даже те, кто ни во что не верили и попали в эту историю, ничего в ней не понимая. Все одинаковые мертвецы — застывшие, бесполезные, гниющие. А те, кто остались еще в живых, понемногу начнут забывать их и путать их имена. Все кончено. Антигона теперь обрела покой, и мы никогда не узнаем, что ее мучило. Ей отдан последний долг. Грустная тишина воцарилась в Фивах и в опустевшем дворце, где Креон станет ждать своей смерти.

Конец текста